

Особенности традиций домостроения в неолите таежной зоны Сибири (на примере памятников верховьев р. Конды)

Особенности домостроительства древнего населения были в центре внимания исследователей с самого начала изучения территории Западной Сибири. Объем полученной информации потребовал ее упорядочивания, решение этой проблемы было предложено путем создания программ описания сооружений [1, с. 15–18; 12]. Несмотря на широкий охват материала и привлечение этнографических данных для корреляции выводов, исследователи считают, что данные методики обработки материала не вполне отражают всей полноты археологических реалий [10]. Для воссоздания облика древних сооружений апробирован метод технологического эксперимента на примере моделирования неолитического жилища поселения Чилимка V [4]. Представленный обзор позволяет отметить, что по-прежнему остаются дискуссионными вопросы, связанные с классификацией жилищ, а проблема их реконструкции далека от разрешения.

Активные полевые исследования в бассейне р. Конды проводятся с конца 60-х гг. XX в.. За прошедший период были опубликованы результаты археологических раскопок поселений Сумпанья II–IV и VI, Геологическое VII и XVI, Канда, Леуши I и VII, Еныя 12, Чертова Гора, Чилимка V, Большая Умытья 57 и 9. Кроме того, в последние годы исследованы раскопками поселения Шоушма 10, Усть-Тетер 1, Большая Умытья 2, 8, 100 и 109 и другие. В процессе исследования акцентируется внимание, главным образом, на типологической характеристике материала. Особенности домостроения (топография, тип конструкции и форма сооружений, наличие или отсутствие укрепленных поселений) на территории севера Западной Сибири изучены фрагментарно из-за специфики сохранности органического материала. Типология изучаемых объектов чаще всего строится на особенностях контура

котлована, степени углубленности в почву, размерах, наличии конструктивных элементов и пространственной ориентации. Однако для полноценной археологической реконструкции важно также определение функционального назначения сооружений, специфика в организации жилого пространства, местоположение и характер зон отдыха, рабочих площадок внутри жилищ и на прилегающих к ним пространствах.

Неолитические поселения рассматриваемой территории, как правило, занимают край или мыс первой надпойменной террасы, высотой 2–7 м, локализуются на участках, приуроченных к расширению речной долины или впадению притоков р. Конда (поселения Шоушма 10, Усть-Тетер 1, Геологическое XVI) и р. Большая Умытъя (левый приток р. Конды) – поселения Большая Умытъя 2, 8, 9, 57, 100 и 109 [5]. Некоторые из исследованных памятников имеют удобный выход к открытой воде, другие – с нескольких сторон окаймлены болотом и суходольными гривами. Наблюдается некая однотипность топографической ситуации и, следовательно, модели освоения поселенческого пространства в древности и современности, с той лишь разницей, что на месте песчаной отмели сформировалась заторфованная низина. Не исключено, что абрисы древнего и современного водоемов в основном совпадали, что может свидетельствовать об однотипности современной и климатической ситуации и той, что сложилась в период функционирования поселения [14].

Археологизированные котлованы жилищ эпохи неолита на памятниках Большая Умытъя 8, 9, 57, 109, Геологическое XVI имеют подпрямоугольную форму, а на памятниках Усть-Тетер 1 и Шоушма 10 фиксируются следы двухкамерных построек с отделениями подквадратной формы. На всех памятниках, за исключением Усть-Тетер 1, сооружения №1 поселения Большая Умытъя 109 и поселения Большая Умытъя 8 в очертаниях жилищ фиксируются ямки от столбов в углах котлована, вдоль стен и в центре (вокруг очага), снаружи вдоль периметра углубленной части котлованов. Кроме того, на памятниках Большая Умытъя 8, 57, 109, Усть-Тетер-1, Шоушма 10 вдоль одной-двух стен или по всему периметру ниже уровня пола обнаружены

канавки шириной до 0,3 м, глубиной до 0,4 м. Данные конструктивные особенности характерны для некоторых неолитических памятников таежной зоны – Геологическое VII, Амня I [6; 16] и дали основание для реконструкции деревянной обшивки котлована, опускавшейся в вырытые на дне канавки [16].

Во внутреннем пространстве сооружений поселений Большая Умытья 8, 9, 57, 100, 109 и в северо-восточной камере жилища Шоушма 10 в пределах котлованов фиксируются так называемые «плечи» – участки вдоль одной-трех стен, приподнятые над полом на 0,35–0,7 м, шириной примерно 1,5×2,7 м. На поселении Большая Умытья 8 фиксируются следы обшивки, сохранившиеся в виде обугленных плашек, сохранились свидетельства их присыпки охрой и обмазки глиной. Их можно интерпретировать как спальные или некие зоны для хранения припасов. В пределах жилища располагался наземный очаг, как правило, по центру постройки. На поселениях Большая Умытья 2 и 8, Шоушма 10, Геологическое XVI (раскоп IV) зафиксирована входная конструкция в виде прямоугольного выступа, врезанного в контур жилища. На поселении Геологическое XVI (раскоп IV) зафиксированы столбовые ямки, которые можно интерпретировать как следы опорной конструкции входа [7].

Судя по углубленности котлованов (от 1,7 до 2,8 м), мощности слоя, наличию очагов и большому количеству материала, рассмотренные постройки можно интерпретировать как долговременные жилища, функционировавшие в зимний период или круглогодично.

В. В. Никитин и Б. С. Соловьев наиболее вероятной жилой постройкой в сходных ландшафтно-климатических условиях (лесная зона Марийского Поволжья) считают землянку с двускатной кровлей. В этом случае реконструируется столбовая конструкция, с одной или тремя несущими балками, когда нижние концы перекрытия упираются в канавку вырытую вдоль края котлована [8]. По мнению М. Ф. Косарева, самым традиционным типом стационарного жилья у таежных западносибирских аборигенов являлась полуземлянка с плоской крышей, жилища же с двускатной кровлей стали строить позже, однако приурочить их появление к определенному эпохально-хронологическому этапу пока невозможно [9, с. 90]. И. Н. Гемуев сообщает, что

конструкция дома с плоской кровлей отмечалась у манси еще в середине XIX столетия [3, с. 11]. Исследователи также не исключают для лесной зоны конструкцию стен на основе вертикально или наклонно поставленных жердей [11, с. 80]. Данные, полученные при исследовании поселения Большая Умытъя 109, дают основание для иных выводов. В плане сооружения № 1 не фиксируются остатки столбов, но при этом сохраняется правильная прямоугольная форма котлована, что в условиях песчаных грунтов Севера Западной Сибири дает основание предположить иную конструкцию, возможно, срубную. К сожалению, каких-либо органических остатков при исследовании данных памятников не обнаружено, что затрудняет интерпретацию.

В большинстве случаев на поселениях зафиксировано несколько сооружений эпохи неолита. При одновременном функционировании в пределах поселения они образовывали единую структуру, состоящую не только из жилищ, но и хозяйственных сооружений: наземных построек, ям, очагов, дренажных канав, ограждений.

На поселениях Большая Умытъя 8, 9, 57, на расстоянии 2–8 м от стен жилищ зафиксированы канавки глубиной 0,2–0,5 м и шириной 0,35–0,5 м. На поселении Большая Умытъя 8 канавка чуть более 4 метров в виде прямого отрезка к северо-западу от сооружения. Однако на поселениях Большая Умытъя 9 и 57 канавки образуют замкнутое пространство вокруг сооружений, причем на поселении Большая Умытъя 57 к «ограде» примыкала еще одна подобная конструкция. Возможно, эти канавки являлись остатками «забора», поддерживающегося столбами, о чем свидетельствуют углубления, отмеченные ниже дна канавы. В.А. Борзунов интерпретирует данные объекты на поселениях Большая Умытъя 9 и 57 как остатки укреплений [2]. На памятнике Большая Умытъя 109 (сооружение № 1), территория, ограниченная канавой со следами наземных объектов, вынесена на 6–8 м от котлована по направлению к реке.

Внутри ограниченного канавой пространства отмечены следы наземных сооружений, ям, «очажных» линз, в заполнении которых найдены уголь, кальцинированные кости (преимущественно рыбы), обширный керамический

материал и каменные орудия. На поселениях Большая Умытья 9, 57 и 109 в заполнении котлована и на прилежащих площадках зафиксированы следы охры. Можно предположить, что ей присыпался пол жилища и прилежащее пространство. Материалы на памятниках сконцентрированы, как правило, в пределах территорий, обозначенных как наземные сооружения и площадки; масса фрагментов керамических сосудов содержится в прокаленных слоях наземных очагов. Характер распространения археологического материала, свидетельствует о том, что активная хозяйственная деятельность проводилась как в самих жилищах, так и на прилегающей к ним территории, которая по всей видимости, ограничивалась канавкой. Вероятно также, что поселение функционировало круглогодично, при выноске в летний период хозяйственно-бытовой зоны за пределы жилища.

Выявленные конструктивные особенности некоторых неолитических жилищ имеют определенное сходство (двухкамерность, канавки и ямки от столбов по периметру) с мезолитическими сооружениями, исследованными на данной территории [8, с. 109–112, 123]. Однако вероятно, что общие типологические черты свидетельствуют о специфике постройки долговременных жилищ на песчаных грунтах Западной Сибири и адаптацию к природным условиям.

К сожалению, на данном этапе исследований мы не располагаем четкими данными о внутренней планировке жилищ приведенных поселений, помимо наземного очага или отмеченных на некоторых памятниках внутренних конструкций, таких как ниши и «плечики». На рассмотренных памятниках не зафиксировано разделения внутреннего пространства на зоны (культовая, спальная, хозяйственная, мужская и женская половины). Вероятно, интересующую информацию можно частично выявить на основании анализа распространения материала и его характере (заготовки изделий, либо готовые орудия со следами использования).

Не было отмечено каких-либо свидетельств о проведении обрядов, связанных с домостроительством (строительная жертва, доместикация жилого пространства и пр.). Однако некоторую сакральную функцию могла нести в

себе присыпка охрой внутренних помещений и площадок рядом с жилищем. Использование охры широко известно в культовой практике с древнейших времен. К примеру, жертвенник на неолитическом культовом памятнике Чертова Гора (р. Запорская, правый приток р. Конды) представлял собой скопление биологических и культурных остатков, обильно засыпанных охрой. Судя по всему, в жертвеннике разжигали огонь и размещали в нем всевозможные дары (керамику, орудия труда, пищу), засыпая их охрой. Судя по датировкам, данный жертвенник функционировал около 100–180 лет [15].

Имеющие абсолютные даты, полученные для неолитических комплексов, укладываются в несколько этапов.

Ранний этап (I половина V тыс. до н. э.) представлен однокамерной землянкой с коридорообразным выходом – поселения Большая Умытья 8 (6615 ± 100 (SBb-481), 7000 ± 100 BP (SPb-482) – по углю).

II половина V до н. э. – поселение Шоушма 10 с двухкамерным жилищем (6500 ± 100 BP (SPb-478), 6350 ± 70 BP (SPb-479) – по углю (пол жилища), 6340 ± 100 BP (Ki-17442) – по керамике).

К рубежу V–IV тыс. до н. э. – I четверть IV тыс. до н. э. относится поселение Большая Умытья 57 (6030 ± 85 BP (COAH-7639) – по углю, 5680 ± 80 BP (Ki-15078) – по керамике) с землянкой и рабочей площадкой, окруженной канавой.

Более поздний период представлен памятниками второй половины IV тыс. до н. э.: Геологическое XVI (5440 ± 60 BP (JE-6995), Большая Умытья 109, сооружение №1 и №2 (5320 ± 70 BP (SPb-472), 5234 ± 70 BP (SPb-469) 5265 ± 100 BP (SPb-473); 5320 ± 50 BP (SPb-470) – по углю) и Большая Умытья 9 (4650 ± 85 BP (COAH-7636), 5345 ± 115 BP (COAH-7638) – по углю).

Некоторые противоречия возникают при анализе датировок, полученных по поселению Усть-Тетер 1 (5350 ± 100 BP (SPb-475), 5800 ± 100 BP (SPb-476) – по углю; 6830 ± 200 BP (Ki-17443) – по керамике). Кроме того, комплекс керамики по декоративно-морфологическим признакам можно разделить на две группы. В связи с этим, реконструкция двухкамерного жилища несколько преждевременна, поскольку их единовременность не определена однозначно.

На данном этапе затруднительно выявить конструктивные особенности жилищ, присущие определенной культурной группе памятников. Также отмечается определенные черты сходства в конструкции отдельных мезолитических и неолитических сооружений. Имеющиеся даты и анализ организации жилого пространства поселений позволяют отметить расширение освоенной площади, прилежащей к жилищу, однако на данном этапе все выводы имеют предварительный характер.

Литература

1. *Алексащенко Н. А., Викторова В. Д., Панина С. Н.* Жилища Андреевского озера (IX участок) // Вопросы археологии Урала: Древние поселения Урала и Западной Сибири. Свердловск: УрГУ, 1984. Вып. 17. С. 15–32.
2. *Борзунов В. А.* Неолитические укрепления и их прототипы Таежного Приобья и Зауралья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. № 4 (19). С. 4–16.
3. *Гемуев И. Н.* Мироззрение манси: Дом и Космос. Новосибирск: Наука Сибирское отделение, 1990. 230 с.
4. *Глушков И. Г.* Реконструкция и моделирование неолитического жилища (по материалам поселения Чилимка V) // Экспериментальная археология. Тобольск. 1992. Вып. 2. С. 18–34.
5. *Клементьева Т. Ю., Круземент С. А., Погодин А. А.* Поселения эпохи неолита на Севере Западной Сибири (бассейн р. Конды): полевые исследования 2007–2011 гг. // Первобытные древности Евразии: К 60-летию Алексея Николаевича Сорокина. М.: ИА РАН. С. 495–524.
6. *Кокшаров С. Ф.* Отчет о раскопках поселения Геологическое VII и археологической разведке в Советском районе Тюменской области, проведенных в августе 1988 г. Свердловск, 1989.
7. *Кокшаров С. Ф., Зырянова С. Ю.* Неолитические поселения Геологическое XVI // Вопросы археологии Урала: Сб. науч. тр. Екатеринбург; Сургут: Изд-во Магеллан, 2011. Вып. 26. 185–198.

8. *Кокшаров С. Ф., Погодин А. А.* Мезолитическое поселение на Затуманной Конде // РА. № 4. С. 109–127.
9. *Косарев М. Ф.* Жилище в свете представлений Древнего населения Сибири о структуре мироздания // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2011. Вып. 26. С. 90–93.
10. *Косинская Л. Л.* О структуре жилища-полуземлянки (по археологическим и этнографическим данным таежной зоны) // Тверской археологический сборник. 2006. Вып. 7. С. 26–31.
11. *Никитин В. В., Соловьев Б. С.* Поселения и постройки Марийского Поволжья (эпоха камня и бронзы) // Труды МАЭ. Т. VII. Йошкар-Ола, 2002.
12. Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 1: Поселения и жилища / Под ред. Н. В. Лукиной. Томск: Изд-во ТГУ, 1994. Кн. 1. 490 с.; Кн. 2. 288 с.
13. *Сидоров В. В.* Реконструкции в первобытной археологии. М. : ТАУС, 2009. 216 с.
14. *Чаиркина Н. М.* Некоторые итоги и перспективы исследования торфяниково-сапропелевых отложений верхнего течения р. Конды // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во ТГУ, 2009. Вып. 7. С. 179–189.
15. *Сладкова Л. Н.* Предварительные итоги полевых исследований 1988, 2003, 2004 гг. на Чертовой Горе в Кондинской районе ХМАО – Югры // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Екатеринбург; Ханты-Мансийск: Изд-во ТГУ, 2007. Вып. 4. С. 152–164.
16. *Стефанов В. И., Борзунов В. А.* Неолитическое городище Амня I (по материалам 1993 и 2000 годов) // Барсова Гора: древности таежного Приобья. Екатеринбург; Сургут. С. 93–111.